

БОГДАН ГАЛЬ*

ИСПРАВНИК У ПОСТЕЛИ**

ЗАМУЖЕСТВО ЧЕРЕЗ СУД В СРЕДЕ
МАЛОРОССИЙСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА КОНЦА XVIII ВЕКА

Аннотация: В российской провинции конца XVIII в. дворянское сообщество через семью задавало индивиду нормы поведения и допустимые отклонения. Соотношение прав сообщества и прав семьи, свободы индивида и семейной дисциплины особенно остро проявлялись в вопросах замужества дочерей. С одной стороны, за отцом признавалось право на отказ от благословения, коль скоро предполагалось, что он ищет для дочери партию более «сходную и равную». С другой стороны, дворянское сообщество и за дочерью признавало право на выражение собственных предпочтений, не подрывающих отцовского авторитета. Конфликтом с перспективой выхода в публичную плоскость была чревата ситуация, когда семейные дисциплинарные практики входили в явное противоречие с брачными стратегиями, трансформируясь из общественно одобряемых в отклоняющиеся. Причины такого отклоняющегося поведения, как правило, слабо или вовсе не проговаривались сторонами. Для перевода внутрисемейного конфликта в публичную плоскость требовалось представить принятое отклоняющееся поведение другой стороны как непринятое (отказ в благословении как уклонение от брака дочери и, наоборот, стремление к замужеству как попрание священной воли отца). В таких случаях посредничество сообщества выражалось в формах как принудительных (вмешательство полиции, судебный процесс), так и добровольных («комиссии» высокопоставленных покровителей). В ходе судебных тяжб отец решал задачу восстановления родительского авторитета (в случае неудачи — лишения дочери материнского наследства), а дочь — получения судебного решения на замужество (в случае успеха — еще и доли материнского / отцовского наследства). Выходом из ситуации внутрисемейного конфликта был одобренный или навязанный покровителями взаимный отказ от судебных исков и предоставление дочери части материнского наследства. Однако это не всегда влекло за собой отцовское благословение дочери и зятю, признание их своими детьми и восстановление семейного единства.

Ключевые слова: дворянка, семья, конфликт, суд, брак, покровительство, наследство.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-49-78.

Я знаю, вы смеетесь над уездными дамами, и Пушкин над ними смеялся... И подлинно, есть много в них смешного, но, может быть, в то же время много и грустного.

В. А. Соллозуб. Метель

*Галь Богдан Александрович, к. и. н., доцент кафедры истории и политической теории Национального технического университета «Днепропетровская политехника» (Днепр, Украина), bogdan.gall@gmail.com.

**© Галь, В. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Жесткое разграничение индивидуального и публичного пространств отошло в прошлое. Современные исследователи либо помещают индивидуальное внутри сферы публичного, либо рассматривают его вкупе с публичным как взаимно ориентированные стороны социальной жизни (Кастан, Неклюдова и Панайотти, 2016: 452; Репина, 1996: 27). Условность принятого ранее разграничения подчеркивают тем, что «индивидуальные» переживания открываются исследователю через «публичные» действия носителей этих переживаний (Глаголева, 1997: 303–304).

До «захвата» публичного пространства модерным государством (и одновременного отграничения пространства индивидуального) публичные функции осуществлялись раннемодерными патрон-клиентскими группами, члены которых, одновременно, удовлетворяли свои частные интересы (Арьес, Неклюдова и Панайотти, 2016: 24–25). Группы же обеспечивали стабильность публичного пространства через подчинение индивидуального поведения общепринятым, т. е. групповым нормам, а также санкционировали некоторые отклонения от них (Шартье, Неклюдова и Панайотти, 2016а: 449). Распространение и внутреннее усвоение социальных ролей и правил осуществлялось через семью. Таким образом, индивид с его желанием жить для себя, с одной стороны, был ограничен групповым этикетом и семейной дисциплиной, а с другой — мог искать защиту от крайностей семейной дисциплины в сообществе, а от группового гнета — в семье (там же: 448).

Ситуация выхода совершеннолетней девушки из родительской семьи и создания собственной позволяет анализировать норму и отклонения в функционировании раннемодерной семьи и, шире, сообщества, проявления власти и подчинения, индивидуального и публичного в «женском мире» и за его пределами.

Следуя за «пристрастными» источниками, часть которых представлена в Приложениях, рассмотрим случаи замужества через суд двух девушек из среды малороссийского чиновничества: Анастасии Петровны Милорадович, в замужестве Лашкевич (1769–1833) и Прасковьи Акимовны Сулимы, в замужестве Войцехович (1777–1817). Это яркие примеры семейного конфликта, противопоставившего в публичном пространстве индивида и семью, и нашедшего свое разрешение через посредничество высокопоставленных представителей дворянского сообщества (Шартье, Неклюдова и Панайотти, 2016b: 664; Репина, 2008: 12–13).

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОТКЛОНЕНИЯ ПРИНЯТЫЕ И НЕПРИНЯТЫЕ

Вопрос нормы, а также принятых и непринятых отклонений во взаимоотношениях между родителями и детьми в российских дворянских семьях относится к числу не вполне проясненных (Каменский, 2007: 272; Маслійчук, 2007: 337–338). Принято считать, что семейные узы были крепкими, хотя и несколько формальными (В. А., 1884: 334). Внутрисемейные отношения строились на всевластии главы семьи, на зависимости прав и обязанностей членов семьи от пола и возраста, на господстве общих семейных интересов над индивидуальными и на огромном значении общественного мнения для семьи (Миронов, 2000: 257). Это предполагала традиция, так требовал закон. В частности, «Правила добронравия» из «Устава благочиния или полицейского» от 8 апреля 1782 г. определяли родителей как «властелинов над своими детьми» (Устав благочиния, 1830: 465).

В то же время семьи часто были неполными, и это вносило коррективы во внутрисемейные отношения. М. Раев и Р. Уортман пишут об «отсутствующем отце» во многих дворянских семействах (служил вдали от дома или, создав семью на склоне лет, умирал до того, как дети выросли), не уточняя, была ли эта модель типичной для всего дворянского сословия (Уортман, Долбилов и Севастьянов, 2004: 178). Но в случаях Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы отсутствовала мать. София Степановна Милорадович, в девичестве Полуботок (1747–1773) умерла в 26 лет во время родов или в течение года после них, Мария Павловна Сулима, в девичестве Скорупа (1753–1783) умерла в 30 лет во время родов.

Вероятно, в связи со смертью матери девушки с ранних лет получали воспитание вдали от дома. Прасковья Сулима содержалась в глуховском¹ пансионе Анны Ляэнс. Анастасию Милорадович отец² в малолетстве передал под опеку дяди, Андрея Степановича³, в имении которого Воронкове она и «обучалась в мадам». В июне 1783 г. по просьбе тещи Анастасии Степановны Полуботок, в девичестве Леонтович (ум. 1802), отец прислал дочь в бабушкино имение с. Боровичи «для обучения

¹ Уездный город Глухов Новгород-Северского наместничества.

² Милорадович Петр Степанович (1723/4–07.01.1799) — черниговский полковник (1762–1782), генерал-майор (1783). На 1786 г. во владении числилось 5281 душа м. п. в 2 местечках, 2 селах, 35 деревнях, 3 хуторах (Модзалевский, 1912: 518).

³ Милорадович Андрей Степанович (1726/7–1796) — правитель Черниговского наместничества (1781–1796), генерал-поручик (1779).

хозяйства» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 66). Накануне и во время последовавшего судебного процесса отец всячески пытался преуменьшить время, проведенное дочерью у бабушки («временно прибыла в сказанной бабы своей в с. Боровичах»), в то время как дочь определяла «пробывание мое у бабушки весьма уже от давних времен, а не по случаю какому, на время сюда приехавши оставалась бы; тут воспитана, так как угодно было отцу, чрез благодетельницу и попечительку мою» (там же: 94, 62). Соответственно, в ситуации вынужденного выбора между стороной отца и бабушки Анастасия Милорадович сделала однозначный выбор в пользу последней («дочь моя мне персонально отвечать не устыдилась сими словами: что она состоит не в моей воли, меня не слушает и со мною не поедет») (там же: 65).

Целью воспитания дворянских девушек считалось привлечение будущих мужей. Вступление в брак представлялось реализацией нормативного и превалирующего жизненного сценария⁴, а любые стратегии, исключавшие пребывание женщины в браке, девальвировались (Белова, 2010: 292–293; Абрамс, Незлобина, 2011: 84). Возраст вступления в брак для женщин не был раз и навсегда определен. Так, в последней четверти XVIII в. церковь и действовавший на Левобережье Литовский статут устанавливали бракоспособный возраст для женщин в 13 лет, а гражданский закон — в 16 лет (Миронов, 2000: 167; Пушкарева, 1997: 157). В самой дворянской среде обнаруживалась тенденция к повышению брачного возраста, и в начале XIX в. представительницы привилегированного сословия выходили замуж, как правило, в возрасте от 17 до 23 лет (там же: 158).

И бабушка, и отец называли Анастасию Милорадович, которой едва исполнился 21 год, совершеннолетней. С точки зрения брачных перспектив бабушка определяла возраст внучки как «не к летам, но из лет идет» и «не в таких летех она, чтоб ей ожидать неизвестнаго жениха» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 53, 55). На ироничное предложение зятя отписать внучке с. Боровичи как «способ, через который она скоро помолодеет», Анастасия Степановна отвечала:

Нет, дайте ей и весь свет, то ничто не поможет наградить потерявший лета; а особливо ее и меня тревожат ежедневно видимые образцы, как то Борознина дочь, которая еще мене старее, в девках по сие время, несчастные

⁴Согласно расчетам Б. Н. Миронова, брачность была почти всеобщей, — в конце XVIII в. всего около 1% мужчин и женщин никогда не состояли в браке к 60 годам (Миронов, 2000: 172).

Лизогубовны и Гудовичева, а к ним Базилевскозна, которая 70 тысяч имеет денег и 600 душ (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 52–53).

Прасковье Сулиме шел «уже двадцать четвертой год от рода», когда она решилась на разрыв с отцом, «не предвидя далее ни чего для себя полезного и прочного» (ИР НБУВ. п. 5. 15244–15333. Арк. 243–243зв.).

Разница в возрасте между девушками и их женихами составляла в случае Анастасии Милорадович 4 года (т. е., была близка к условно «идеальной»), а в случае Прасковьи Сулимы — 23 года. И, похоже, что последнее не было таким уж исключением из правил, и, вообще, о правиле можно говорить условно. В близком окружении девушек разница в возрасте между супругами составляла: у родителей Анастасии Милорадович — 24 года, у родителей Прасковьи Сулимы — 16 лет, у родственников Сулим Лобысевичей — 23 года, у брата Анастасии Милорадович — 7 лет, у ее кузины — 2 года, у сестры Прасковьи Сулимы — 13 лет.

Влечение, которое девушка испытывала по отношению к жениху, могло опираться на сложную комбинацию из всех ее стремлений и расчетов (Репина, 2008: 13). Сохранившиеся свидетельства мало говорят об аргументах выбора Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы, но позволяют сделать вывод, что речь шла скорее о приобретении желанного статуса в возрасте, воспринимаемом как критический, чем о воссоединении с по-настоящему любимым человеком.

Анастасия Милорадович в письмах к отцу сообщала, что жених И. С. Лашкевич⁵ «явился не противным» и что вопрос женитьбы не встал бы так остро, если бы «не угрожало меня, Боже сохрани, по смерти вашей и бабушки остатся в девках»⁶ (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 58–59). Эмоции прорвались наружу, лишь когда Анастасия Милорадович вспоминала брату услышанные от него однажды слова:

...дожду я того, что ты будешь у мене дети нянчить. Сие посля воспитания вам данного и просвещенности, как вы о себе заключаете, не воспрепятствовавшее

⁵Лашкевич Иван Степанович (1765–1822) — подполковник в отставке.

⁶«Ежедневно видимые образцы», о которых писала бабушка Анастасии Милорадович, и страх внучки «остатся в девках», представление Прасковьи Сулимы о вдвое старшем женихе как о партии «сходной и равной» во многом объясняется картиной черниговского губернского общества, которую оставил малороссийский генерал-губернатор А. Б. Куракин в письме из Чернигова от 5 августа 1802 г.: «Чернигов, сам по себе был бы хорошим городом [...]. Но в нем нет совершенно общества. Никто из дворян, кроме чиновников, никогда там не жили; из тех которые состоят на действительной службе, есть только 4–5, которые женаты» (Куракин, Несвитская, 1909: 50).

вам изрекли мне. Я слышав, помню, должна одинажды навсегда так расположить себя, чтоб не быть вам слугою и нянею детей ваших, но соответственно моему имению жить (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 63).

Об условной «бесчувственности» говорят и аргументы в пользу брака Прасковьи Сулимы, которая «по долгом, тщательном, и зрелом разсуждении, и соображении всех домашних обстоятельств, не предвидя далее ни чего для себя полезного и прочного» нашла в лице И. А. Войцеховича⁷ «партию сходную и равную» (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 243–243зв., 246). Впрочем, нельзя исключать и того, что отсутствие в переписке и судебных бумагах упоминаний об эмоциональной стороне отношений может быть следствием холодного расчета обеих девушек (или совета их покровителей), которые не желали давать аргументы в суде противоположной стороне.

Наиболее деятельное участие в заключении брака принимали, как правило, старшие родственницы невесты. Исследовательница предположила, что речь идет о незамужних родственницах, для которых это носило компенсаторный характер (Белова, 2010: 338). Однако в случаях Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы это было не совсем или совсем не так. У бабушки А. С. Полуботок на момент конфликта с зятем умерли муж и обе дочери, но выросло трое внуков, между которыми она обещала разделить наследство. Именно бабушка в конце января 1789 г. дала И. С. Лашкевичу согласие на брак со своей внучкой, не дожидаясь решения отца (благодарственное письмо И. С. Лашкевича датировано 27 января 1789 г.).

Прасковья Сулима сама выбрала дальнюю родственницу⁸, которую просила представлять в суде свои интересы: «Милос[тивая] Государ[ыня] моя! по родству Вашему со мною я избираю орудием к сему вас» (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 246). При этом Екатерину Михайловну Лобысевич, в девичестве Губчиц (ок. 1754–1824), у которой было трое собственных детей, не остановило и то, что ее муж Афанасий Ки-

⁷Войцехович Иван Андреевич (1754–1821) — советник Черниговского наместнического правления (1787–20.11.1801), коллежский советник (1797), статский советник (1799), председатель Пензенской палаты гражданского суда (1801–1806–?), действительный статский советник (1803), пензенский вице-губернатор (?–1817–1819), в отставке с полным пансионом (05.03.1819).

⁸Ни бабушек, ни родных теток к тому времени не было в живых.

риллович Лобысевич⁹ был в тот момент подчиненным отца Прасковьи Сулимы¹⁰. Впрочем, длившееся три года сватовство И. А. Войцеховича одобряемо было, по словам Прасковьи Сулимы, «всем здешним обществом, а почетнейшие чиновники [...] многократно представляли отцу моему что Г-н Войцехович по всем отношениям есть партия для меня сходная и равная, а потому просили о принятии Его в наше семейство» (ИР НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 243–243зв.).

Среди тех, кто просил за И. А. Войцеховича, Прасковья Сулима называла черниговского (малороссийского) гражданского губернатора Я. Л. Бакуринского, его преемника на посту малороссийского гражданского губернатора М. П. Миклашевского, малороссийского вице-губернатора П. Г. Коропчевского, архиепископа Черниговского и Нежинского Виктора, архимандрита Елецкого монастыря Феофана, казначеев черниговского губернского И. И. Навроцкого и поветового М. А. Павловского (ИР НБУВ. II. 5. 15051–15242. Арк. 56). Кроме того, искания жениха поддерживал родной брат А. С. Сулимы епископ Слободско-Украинский и Харьковский Христофор Сулима (ИР НБУВ. II. 5. 15051–15242. Арк. 49–50зв., 57–57зв.).

«Непросвещенным» поведением вполне образованных людей¹¹ называли случаи, когда отцы навязывали дочерям партию или отказывали претендентам на руку их дочери в пользу других, более подходящих претендентов, не учитывая мнение самой невесты (Глаголева, 1997: 300). И хотя это и было противозаконно, это воспринималось сообществом как приемлемое отклонение от условно нормального типа поведения¹². Как писала зятю бабушка Анастасии Милорадович, «если при том у вас есть жених на примете такой отдельной, какого вы желаете, то сему не грех и отказать» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898:

⁹Лобысевич Афанасий Кириллович (ок. 1732–до 1805) — коллежский советник (1797), советник I-го департамента Малороссийского генерального суда (04.03.1797–14.05.1802), действительный статский советник (1800).

¹⁰Сулима Аким Семенович (1737–1818) — генерал-майор (1778), генеральный судья I-го департамента Малороссийского генерального суда (1797–1802), действительный статский советник (1797), тайный советник (1799). На 1802 г. во владении числилось 1310 душ м. п. в Переяславском, Стародубском и Мглинском поветах (Модзалевский, 1914: 811).

¹¹Малороссийский генерал-губернатор А. Б. Куракин в письме из Чернигова от 5 августа 1802 г. определял А. С. Сулиму как «человека с большим образованием» (Куракин, Несвитская, 1909: 50).

¹²Пример одобряемого сообществом «замужества добром» предлагает история сватанья в 1787 г. брата Анастасии Милорадович к Александре Павловне Кочубей (1769–1838) (Как сватались сто лет назад, 1898).

52–53). Но особенностью случаев Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы было то, что их отцы отказали претендентам на руку дочери, недостаточно (по мнению невесты и окружающих) или вовсе не аргументировав свой отказ и не предложив альтернативы¹³.

Сперва, по словам П. С. Милорадовича, он не мог согласиться на брак дочери, «ни за господина Лашкевича, ни за кого другого, не зная ни дому, ни имения его, ни уделу»¹⁴ (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 52). Потом объяснял свой отказ невозможностью решиться «на всекрайнейшее расположение о дочери моей, имея у себе, по воле Божией, толко ее одну, в таком важном пункте, каков есть сей», рассчитывая, что в дальнейшем она получит жениха «превосходнейшего дарованиями, соразмерно собственного состояния достойного»¹⁵ (там же: 55). Наконец, отец Анастасии Милорадович глухо указывал на «многие резоны, которые тебе неизвестны, что сей жених ни с какой стороны и ни почему быть тебе не может [...] о которых ни тебе, ни бабушке твоей объявлять на письме неудобно, а после ты словесно услышишь» (там же: 58, 59). Поскольку эти причины так и не были названы, суды обоснованно посчитали их плодом воображения отца невесты.

В отличие от П. С. Милорадовича и, возможно, под влиянием его судебной тяжбы с дочерью, А. С. Сулима отдавал претенденту на руку дочери «всю справедливость» и соглашался считать его «достойною партиєю» (из письма М. П. Миклашевского от 26 сентября 1798 г.), однако, что касается брака, «давал всегда ответы в неопределенных выражениях состоявшие, которые ни отказа, ни согласия в себе не заключали» (ИР НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 56, 243).

¹³И. С. Лашкевич в письме невесте сообщал о якобы высказанном ее отцом намерении отдать ее руку какому-то лифляндцу, но, скорее всего, это лишь оборот речи («отдать в жены первому встречному»), а не истинное намерение отца девушки (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 71).

¹⁴Это едва ли соответствовало действительности, потому что в то же время П. С. Милорадович подстрекал тещу к распределению наследства между его детьми, упоминая, что «господина Лашкевича мать записала сынам своим отческую свою деревню» (там же: 52). Кроме того, на родных сестрах И. С. Лашкевича были женаты троюродный брат П. С. Милорадовича Петр Антонович (ок. 1755–после 1824) и кузен его невестки Михаил Семенович Кочубей (1751–после 1791).

¹⁵Вероятно, в качестве образцового отец рассматривал брак ее старшего брата Г. П. Милорадовича с представительницей богатейшего и влиятельнейшего семейства на Левобережье, а кроме того, племянницей всемогущего А. А. Безбородка.

СУДЕБНЫЕ ТЯЖБЫ: ИЕРАРХИИ И СЕТИ

Далеко не все конфликты внутри семей становились предметом публичного разбирательства, но нет сомнений, что российские подданные видели в многообразных и в массе своей сословных судах средство защиты и механизм регулирования отношений с родственниками (Каменский, 2007: 290; Бербэнк, 2004: 329). Среди прочих нередко обращались в суды и дворянки¹⁶, и особенно часто — в левобережных губерниях, успешно защищая свои права собственности (Маррезе, Лужецкая, 2009: 276; Маслійчук, 2007: 316).

Для того, чтобы обратиться в суд, стороне истицы требовалось перевести поведение отца невесты из разряда принятых отклонений в неприятные. С этой целью бабушка Анастасии Милорадович («не явное ли ваше открывается нежелание видеть дочь вашу замужем») и Прасковья Сулима («отец мой весьма удален от того, что бы меня выдать») обвиняли отцов в нежелании выдавать дочерей замуж вовсе, а не только за конкретного просителя руки (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 55; IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 246).

Неизвестно наверняка, какими правовыми знаниями обладали дворянки и какова была их роль в составлении исков (Маррезе, Лужецкая, 2009: 277). Анастасия Милорадович «хвалилась» брату, что «и закон гражданский мне известен, а особливо сего края книга [Литовский] статут; по оной и другим давно могла и должна иметь свое достояние и волю располагать собою» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 63). Так же и Прасковья Сулима не только ссылалась на Статут, но и подкрепляла прошение указанием на конкретные раздел и артикул: «...и испросить по силе права Книги Статут раз[дела] 5-го артик[ула] 9-го себе изволения от уряду на выход в замужество» (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 246). Впрочем, отец Анастасии Милорадович предполагал, что и письма, и прошение в суд писал от имени дочери опытный юрист, брат бабушки Г. Г. Фридрикевич¹⁷. Так же и в случае с Прасковьей Сулимой нельзя исключать, что письмо с прошением было составлено женихом.

¹⁶Современные исследователи не фиксируют случаев жалоб в суд детей на родителей, иногда специально оговаривая их отсутствие, что делает особо интересными случаи Анастасии Милорадович и Прасковьи Сулимы (Каменский, 2007: 287).

¹⁷Фридрикевич Григорий Григорьевич (?–1797) — председатель Черниговской палаты гражданского суда (1782–1797), статский советник (1784), действительный статский советник (1793), умер бездетным, состояние оставил сестрам по матери, в том числе А. С. Полуботок.

Непосредственно в суде девушки и их покровительницы не присутствовали. Интересы Анастасии Милорадович и ее бабушки как истцов в Сосницком¹⁸ уездном суде представлял поверенный Терентий Санчевский, а интересы бабушки и ее брата Г. Г. Фридрикевича как ответчиков в Городненском¹⁹ уездном суде — поверенный Каленовский. 11 июля 1790 г., т. е. через год после свадьбы Анастасия Лашкевич дала улиточную запись²⁰ своему мужу на ведение дел, поскольку «по женскому состоянию моему, не в силах я лично в судебных местах производить о сем дело» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 112). От имени И. С. Лашкевича дела также вел поверенный Антон Андреевич Войцехович²¹.

В деле Прасковьи Сулимы поверенные не упоминаются. Весной 1800 г. девушка обратилась к своей родственнице Екатерине Михайловне Лобысевич:

...решилась я наконец прибегнуть к покровительству законов [...]; но как мне самой живущей под непосредственною властью отца моего ни как не можно зделать в Суд отзыва: то к вам Милостивая государыня моя, яко к родственнице моей, в сем случае прибегая, покорнейше прошу подать за меня от имени своего в Суд Земский Повега Черниговскаго прошение (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 243зв.–244).

22 мая 1789 г. Сосницкий уездный суд в неполном составе из двух заседателей рассмотрел дело и принял постановление «дозволить просительки Настасьи Милорадовичевне вытить в замужье» (там же: 98). На следующий же день, 23 мая Анастасия Милорадович обвенчалась. В дальнейшем решение Сосницкого уездного суда в порядке апелляции было подтверждено постановлением Новгород-Северского верхнего земского суда (5 декабря 1790 г.).

24 мая 1800 г. земский суд Черниговского²² повета выдал истце аналогичное свидетельство в подтверждение права заключить брак. Основанием стал высочайший указ от 22 декабря 1785 г. (право распоряжения имуществом по достижении 21 года), раздел 6 артикул 1 (наступление совершеннолетия по достижении 13 лет), раздел 8 артикул 4 и раздел 9 артикул 2 Литовского статута (право уряда давать

¹⁸Уездный город Сосница Новгород-Северского наместничества.

¹⁹Уездный город Городня Черниговского наместничества.

²⁰Договор об уступке прав на наследство.

²¹Войцехович Антон Андреевич (1757/9–после 1808) — судья Городненского уездного суда (1785–1787), коллежский асессор (1786), родной брат И. А. Войцеховича.

²²Губернский город Чернигов Малороссийской губернии.

девицам разрешение на брак с благородным женихом). Предварительно суд подтвердил указанные в прошении свидетельства о благоволении жениху со стороны местного сообщества и собрал сведения «о чине, о поместье в сем повете, и о достоинствах Господина Статского Советника Войцеховича ничем неупослеждающих состояния девицы Сулиминой» (IP НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 242–2423в.).

Опротестование этих решений в судах предполагало со стороны отца также перевод поведения дочери из разряда принятых отклонений в неприятые. А. С. Сулима, возможно, что под влиянием примера своего предшественника, не стал этого делать. А вот П. С. Милорадович не только подал апелляции, но и начал параллельные судебные процессы против родственников, а также задействовал внесудебные механизмы преследования.

В письмах теще, а потом в прошении в Городненский уездный суд П. С. Милорадович писал о разврате дочери и непослушании отцу, презрении ею долга в повиновении и почитании родителя, оскорблении отца, неблагопристойном и вредном честности поведении, неисполнении воли отца, других непристойностях против отца (там же: 66, 85–86). Со слов отца и Г. П. Милорадович²³ обвинял сестру в притворстве, обмане, отречении от власти отца и, наконец, в провоцировании «к удалению отца толпою подлых людей. Поступок вовсе противный природе и всяким и везде законам» (там же: 61). Как резюмировала эти обвинения бабушка в письме зятю, «описали ея пред правителствами с такой стороны, с которой любящие своих детей отцы помыслить боятся» (там же: 64). Жениху И. С. Лашкевичу вменялось в преступление то, что «более шести душ во владении нету», т. е. что партия не может считаться сходной и равной (там же: 141).

Неудавшаяся 27 марта 1789 г. попытка увезти дочь из имения брата тещи Г. Г. Фридрикевича и судебное разрешение на ее замужество подвигли П. С. Милорадовича инициировать три судебных процесса.

Во-первых, он подал в Городненский уездный суд иск «о безчестии и обиде, причиненной ему Милорадовичу, в с. Смячи со стороны Фридрикевича и Полуботковой» (там же: 60). В решении от 14 ноября 1789 г.

²³Милорадович Григорий Петрович (1765–1828) — малороссийский почт-директор (1789–1792-?), статский советник (1795), генеральный судья во II департаменте Малороссийского генерального суда (1797–1802), действительный статский советник (1801), тайный советник (1802).

суд удовлетворил иск в части требования наложения штрафа (в размере годового генеральского жалованья) и публичного признания вины. По апелляции иск рассматривался во II-м департаменте Черниговского верхнего земского суда, который в ноябре 1790 г. присудил штраф разделить пополам между А. С. Полуботок и Г. Г. Фридрикевичем и отказать в требовании тюремного заключения ответчиков. Недовольный истец передал дело в порядке апелляции далее в Черниговскую палату гражданского суда, о чем писал сыну: «...ежели суд или палата гражданская приговорит тещи и Фидеркевичу вежу²⁴, то я оным в таком случае и приговоренным ныне верхним земским судом безчестием доволен бы был» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 211–212). На момент примирения сторон в октябре 1791 г. иск П. С. Милорадовича по поручению исполняющего должность малороссийского генерал-губернатора М. Н. Кречетникова находился «под рассмотрением» в Киевской палате гражданского суда.

Во-вторых, 9 августа 1789 г. П. С. Милорадович подал прошение в Городненский уездный суд об отречении от дочери и о лишении ее права на материнское имение. Ссылаясь на раздел 8 артикул 7 (разрешение родителям отречься от детей) и раздел 5 артикул 8 (лишение отцовского и материнского наследства при выходе замуж без родительского разрешения) Литовского статута, истец утверждал, что «оному недвижимому жены моей материстому имению остается один законный наследник сын мой, надв. сов. Григорий Милорадович, и чтоб показанная Лашкевичева до сына моего ни под каким предлогом за оное имение дела и никакой претенсии не имела» (там же: 110). Простение судом было принято и вписано в крепостную книгу, но, похоже, не рассматривалось, а через два года иск был истцом отозван.

В-третьих, 3 сентября 1789 г. П. С. Милорадович подал в Новгород-Северское. наместническое правление жалобу на заседателей Сосницкого уездного суда за неправомерное решение. Жалоба была передана на рассмотрение в Новгород-Северский верхний земский суд, где решением от 5 декабря 1790 г. было подтверждено постановление Сосницкого уездного суда (при двух судьях, включая председателя, оставшихся «при своем мнении»). Напротив, Новгород-Северская палата гражданского суда, рассматривавшая дело в порядке апелляции, решением от 29 января 1791 г. постановила «уничтожить» предыдущие постановление и приговор. Основанием для подобного двусмысленного решения стала

²⁴Личный арест.

ссылка на неполный состав Сосницкого уездного суда, рассматривавшего дело (два заседателя без судьи и секретаря) и нарушение нормы раздела 5 артикула 8 Литовского статута (требование предварительно уведомлять уряд об отказе отца выделять дочери материнское имение). Это, в свою очередь, вынудило уже Анастасию Лашкевич подать апелляцию в 3-й департамент Сената, где дело и было остановлено в 1791 г. при последовавшем примирении сторон (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 115).

В письме к сыну от 2 апреля 1791 г. П. С. Милорадович предлагал еще опротестовать в суде проект завещания А. С. Полуботок, но, скорее всего, прошение в суд подано не было (там же: 219).

Кроме того, П. С. Милорадович преследовал дочь и всех, кто оказывал ей поддержку, во внесудебном порядке. Так, после неудачной попытки забрать дочь домой он исходатайствовал у брата предписание Черниговского наместнического правления вернуть Анастасию Милорадович в дом отца силами уездной полиции. Исполняя это предписание в с. Смяч выезжал Городненский нижний земский суд во главе с земским капитаном-исправником. Г. Г. Фридрикевичу, С. С. Леонтовичу²⁵ и его жене, а также А. С. Полуботок были вручены «повестки с требованием оной Милорадовичевой дочери и дачи нужного к следствию показания». Тем не менее, исправнику не удалось вернуть Анастасию Милорадович отцу. Бабушка А. С. Полуботок, «извиняя оную девицу болезнию, вводила нижний суд в ту комнату, где сия в постели больною оказывалась, тамо суд ее уговаривал в послушности отцу, напоминая обязанности детей родителям и чтобы к повиновению воле его ехала к нему з земским исправником, но тут девица представляла, якобы не может сего исполнить по болезни» (там же: 87–88). После того, как в комнате стали собираться дворовые люди Г. Г. Фридрикевича, суд во главе с исправником ретировался из с. Смячи, не доводя дело до столкновения. Такое поведение городненского исправника стоило ему впоследствии проблем по службе, о которых глухо упоминал И. С. Лашкевич в письме к жене от 7 августа 1790 г. (там же: 123).

Кроме того, П. С. Милорадович еще до рассмотрения прошения дочери в Сосницком уездном суде просил епископа Новгород-Северского и Глуховского Иллариона, чтобы местные священники не венчали его дочь, и получил в марте 1789 г. следующую резолюцию: «Я уже дал

²⁵Леонтович Степан Степанович (?–до 1797) – полковник в отставке, родной брат А. С. Полуботок, умер бездетным.

на примечание дикастерии, [...] чтобы недремленно наблюдали за священством, дабы беглых от родителей отнюдь венчать не дерзали» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 95). Впоследствии, дело священника, венчавшего Анастасию Милорадович, действительно разбирала дикастерия, и бабушка А. С. Полуботок напоминала новобрачным о необходимости заступиться. Наконец, А. С. Полуботок писала к И. С. Лашкевичу, что «в доми же Войцеховичей все суд попечатал, так сказывают, но я не знаю совершенно» (там же: 190). Возможно, это был только слух, но, скорее всего, она не исключала, что это могло быть мезьей со стороны П. С. Милорадовича за то, что А. А. Войцехович вел в суде дела И. С. Лашкевича.

Для решения дел в свою пользу и создания благоприятного общественного мнения обе стороны стремились заручиться поддержкой многочисленных друзей, знакомых, местных и столичных клиентов и покровителей (родственников и земляков). Дела П. С. Милорадовича вели его сын Григорий Петрович («отец дал ему верующее мирится, но Г. П. от того удаляется, ища всемерно сестру обидить») и брат Андрей Степанович («нечестивого дядка; по всему видно, что он то и всему причиною, как и отец мне пояснял, что я во всем слушаюсь брата и поступлю неинако, как он мне советует») (там же: 135–136, 162). Их сторону открыто держали председатель II-го департамента Черниговского верхнего земского суда И. А. Каниевский, стряпчий того же суда Р. И. Маркович, а также, вероятно, председатель Новгород-Северской палаты гражданского суда И. Я. Селецкий и поручик правителя Черниговского наместничества Я. Л. Бакуринский, который представлял сторону старшего Милорадовича во время примирения (там же: 135). Кроме того, многие помогали им советами и составлением бумаг, о чем неоднократно упоминали П. С. Милорадович («постарайся, поговори [...] из другими своими приятелями», «поступи, так как сам знаешь, посоветовавшись с приятелями») и И. С. Лашкевич («столько ненавистников!», «имеют помощников плутов дюжину», там же: 77, 126, 211, 215). Предполагая, что содержание писем может стать известно посторонним, П. С. Милорадович в письмах к сыну не называл открыто некоторых своих поверенных («в отводе моем, который писан в Батурине известным тебе человеком», «надобно зараз ехать в Батурин к известному тебе человеку») (там же: 217, 220).

После передачи дела на апелляцию в Сенат П. С. Милорадович надеялся заручиться поддержкой высокопоставленных петербургских земляков: А. А. Безбородка, П. В. Завадовского, И. С. Судиненко и Д. П. Тро-

щинского, «чтобы они учинили милость вспомоществование, дабы оная апелляция после подачи приняла надлежащее свое действие» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 215). Однако, похоже, что в Санкт-Петербурге сторону П. С. Милорадовича был готов поддержать лишь А. А. Безбородко, наиболее тесно связанный с ним свойством («примечаю, что граф Б(езбородко) вступается за нашего родича») (там же: 141).

Дворянки также опирались на помощь высокопоставленных покровителей и были мастерицами добиваться протекции через сети патронажа (Маррезе, Лужецкая, 2009: 277, 288). Но в данном случае поддержку Анастасии Милорадович и ее бабушке обеспечивали жених (а после — муж) И. С. Лашкевич и бабушкины братья Г. Г. Фридрикевич и С. С. Леонтович. Из открыто поддержавших сторону дочери местных чиновников упоминался приятель И. С. Лашкевича, советник Черниговской палаты уголовного суда С. А. Ожегович фон Винарец. К А. С. Полуботок и ее брату был отлично расположен малороссийский генерал-губернатор П. А. Румянцев-Задунайский. Однако последний не был намерен открыто вмешиваться в тяжбу, что отлично понимали Лашкевичи: «...сколько я могу понимать содержание нашего дела, то должен вам сказать, что граф настоящего конца не зделает и предаст на рассмотрение судам, что до крайности продлится» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 82–83). При таком раскладе ключевые чиновники заняли выжидательную позицию, чему в Санкт-Петербурге удивлялся А. Р. Воронцов в разговоре с И. С. Лашкевичем: «почему не вошел в дело ни губернатор²⁶, ни прокурор²⁷ Новгород-северские» (там же: 135)?

Таким образом, судьба одной из трех затеянных П. С. Милорадовичем судебных тяжб, как и перспективы разрешения семейного конфликта в целом должны были решиться в столице, среди покровителей той и иной стороны, которых оказалось немало. Как писал И. С. Лашкевич жене 11 августа 1791 г., «оба мы имеем хороших и славных тут защитников, но Бог знает на чью сторону дело будет» (там же: 140). На исход повлияло то, что большинство покровителей, прекрасно относясь к Г. П. Милорадовичу как мужу племянницы А. А. Безбородка («Г. П. доброй человек кажется и [...] видно отец сие делает», по выражению

²⁶Бибиков Илья Богданович (1739–1806) — правитель Новгород-Северского наместничества (?–к. 1783–к. 1791–?), генерал-поручик (1786).

²⁷Юзефович Алексей Евстафьевич — новгород-северский губернский прокурор (?–к. 1783–к. 1792–?), коллежский советник (1785).

Д. П. Трощинского), склонялись принять аргументы его сестры, которую воспринимали как обделенную наследством (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 140).

Такое восприятие дела обеспечила позиция графа П. В. Завадовского, переговорившего лично со всеми заинтересованными лицами и организовавшего их встречи с И. С. Лашкевичем. Почему граф так активно вступился за сторону Лашкевичей, не ясно до конца, — то ли имела место просьба его покровителя П. А. Румянцева-Задунайского, то ли сказались тесные родственные связи с Лашкевичами. Однако, ему удалось исключить вмешательство в дело А. А. Безбородка («граф в сие дело не войдет») и гарантировать И. С. Лашкевичу благоприятный исход в Сенате: «Будьте уверены, ничего не опасайтесь и ничего, что принадлежит жене вашей по матери, не уступайте!» (там же: 137).

СЕМЕЙНОЕ ПРИМИРЕНИЕ КАК РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА

Разговоры об условиях, на которых было возможно даже не столько примирение сторон, сколько удовлетворение взаимных претензий, велись с самого начала конфликта и проявляли истинные мотивы его основных участников.

П. С. Милорадович неоднократно предлагал теще разделить имение, отписав внучке с. Боровичи, тем самым повысив шансы Анастасии Милорадович найти достойного жениха (ноябрь 1788 г.). Впрочем, в разгар конфликта он уже обвинял тещу в том, что давнее ее обещание «осталось в неправде и есть во всем сему суцая ложь и обманство» (октябрь 1790 г.) (там же: 52, 210).

В свою очередь, теща предлагала зятю отдать дочери полагающуюся той часть наследственного имения (май 1789 г.) (там же: 64). Судя по письму Григория Петровича, П. С. Милорадович давал детям согласие на раздел материнского наследства (но не на брак дочери), однако при условии возвращения Анастасии в отцовский дом, что было неприемлемо для девушки, поскольку, как она писала брату, «не утверждаете никаким добрым и надежным уверением» (там же: 61, 63).

В связи с венчанием Анастасии Милорадович ее бабушка в письме от 29 мая 1789 г. безрезультатно обращалась к зятю с предложением отказаться от тяжб. Параллельно с судебными тяжбами представители сторон (со стороны дочери — Г. Г. Фридрикевич, а со стороны отца — Я. Л. Бакуринский) вели переговоры об условиях заключения мирового соглашения. В ноябре 1790 г. П. С. Милорадович не исключал подписания договора, если по нему сыну отойдет с. Полуботки из бабушкиного

наследства, «но однакож после подачи апелляции в гражданскую палату, а отнюдь не прежде, дабы мне чрез потсудные дела болше безчестия не претерпеть», т. е. соглашение понималось им как прекращение лишь части судебных тяжб (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 211–212).

Когда дело дошло до петербургских родственников и покровителей, тем показалась более конструктивной позиция И. С. Лашкевича: «...когда можно прекратить такие в фамилии вражды неделающие чести, то я с моей стороны считал бы сие за счастье и удовольствие» (там же: 135–136). По неоднократным переговорам П. В. Завадовского (представлявшего сторону дочери) и А. А. Безбородка (представлявшего сторону отца) в августе 1791 г. было принято решение все тяжбы «миром прекратить» (там же: 142). Это было воспринято с облегчением не только И. С. Лашкевичем, но Г. П. Милорадовичем, предложившим своему недавнему визави возвращаться домой из Санкт-Петербурга одним экипажем. Напротив, оно было встречено отцом как вынужденная неизбежность: «...по совету его сиятельства равно и брата Андрея Степановича, я принужден согласится в разсуждении разных обстоятельств и затруднений» (там же: 218). При этом П. С. Милорадович требовал от сына проследить, чтобы его сестра «во всем призналась покаянием», и чтобы в мировых от обеих сторон не было упоминаний о его имени, «ибо я о сем ни почему и ни для чего никогда не соглашуся и не согласен» (там же: 219). Как и ранее в случае с материнским имением, единственным «законным наследником» своего имения он считал сына, а в примирении с тещей видел способ закрепить за сыном часть еще и бабушкиного наследства.

В рамках согласованного и подписанного мирового соглашения П. С. Милорадовича (от его имени — А. С. Милорадович), Г. Г. Фридрикевича и А. С. Полуботок все три инициированные П. С. Милорадовичем против родственников и заседателей Сосницкого уездного суда тяжбы были «оставлены, уничтожены и преданы вечному забвению». 16 октября 1791 г. А. С. Полуботок сделала уступочную запись своих имений внукам: Г. П. Милорадовичу, А. П. Лашкевич и Н. М. Стороженко²⁸. В свою очередь П. С. Милорадович объявил, что отечески простил дочь и зятя, возвратил им звание своих детей, позволил учинить раздел материнского имения, благословил их брак и «принял в совершенную

²⁸Стороженко Николай Михайлович (ок. 1770–1815) — штаб-квартирмейстер в штабе графа П. А. Румянцева (1791), был женат на кузине Анастасии Милорадович Марии Андреевне (1772/3–1851), умер бездетным, его недвижимость отошла к Милорадовичам.

родительскую милость, любовь и благопризрение» (Любецкий архив графа Милорадовича, 1898: 114, 115).

Неформальное же примирение отца с дочерью произошло лишь спустя семь лет после подписания мирового соглашения. Все эти годы П. С. Милорадович отказывался принимать семью дочери в своем доме. Лишь в октябре 1798 г. бывший черниговский архиепископ, а на тот момент киевский митрополит Иерофей уговорил П. С. Милорадовича дать личное благословение семье дочери (там же: 149). Через две недели после этого разговора И. С. и А. П. Лашкевичи побывали в доме отца, который отпустил их с «грешным родительским прощением и благословением». В первом за долгие годы письме к теще П. С. Милорадович просил милостивого прощения за прегрешения «от неведения моего или же неосторожности» (там же: 150). Еще через два месяца, помирившись с ближайшей родней, он скончался. Другой участник тяжбы, его сын Г. П. Милорадович настолько сблизился с семьей сестры, что даже был восприемником ее детей.

В случае Прасковьи Сулимы отец девушки не стал подавать апелляции на решение суда о разрешении замужества, но прекратил какое-либо общение с новой семьей. Неизвестный посредник, в котором угадывается муж Екатерины Михайловны и подчиненный А. С. Сулимы А. К. Лобысевич брался уладить вопрос с разделом материнского имения. В недатированном письме, относящемся к концу мая 1800 г., он передавал отцу «комиссию» М. П. Миклашевского, по которой отцу предлагалось купить дочери деревню «когда, и где пожелает» с «уступкой на известное» со стороны дочери и отказом зятя и тестя от взаимных претензий (ИР НБУВ. II. 5. 15051–15242. Арк. 55). Под «уступкой на известное», вероятно, имелось в виду письменное раскаяние дочери, о котором шла речь в другом письме того же посредника. Письменное раскаяние было подписано замужней дочерью и передано отцу, но прощение в ответ так и не было получено. В результате посредник открыто обвинял А. С. Сулиму в лжесвидетельствовании и тем самым оправдывался перед семьей И. А. Войцеховича, которую невольно обманул: «Публика не отсуживает ни рук ни ног, правда; но отсуживает добрыя качества, когда дело о нравственности; и где она видит уловку, там проворству разума дивятся, но от сердца такого, вся и на век отвращается» (ИР НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 258зв.–259зв.).

Сохранился список движимого имущества, полученного Прасковьей Войцехович «в Сулимовке от батюшки», датированный 3 октября 1809 г. (ИР НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 248–249зв.). Шла ли речь о материнском наследстве, неизвестно. Вопрос этот решался через поверенных, поскольку семья Войцеховичей в то время находилась в Пензе. Ровно через год, а именно 5 октября 1810 г. Прасковье Войцехович и ее младшей сестре Марии Маркевич (1783–до 1839), также вышедшей замуж вопреки воле отца, была выдана выписка из решения земского суда Переяславского²⁹ повета о подтверждении прав собственности относительно доли отцовского имущества:

...с времени выходу их в замужество не имеют никакого участия в недвижимых и движимых имениях от доходов из оных полученных по правам Малороссийским им принадлежащих в сем случае в охранение своем том права их на прошедшее и будущее время дабы паче всякаго чаяния молчание их чрез десять лет не было обращено во вред их (ИР НБУВ. II. 5. 15244–15333. Арк. 247зв.).

Судя по всему, в этом случае личное примирение отца с дочерью так и не произошло. Последней записью в дневнике А. С. Сулимы стало известие о смерти дочери (1817), а в начале следующего 1818 г. его самого не стало. Возвращению И. А. Войцеховича с детьми на родину предшествовала любезная переписка с братом сестры Акимом Акимовичем³⁰: «Нет ничего приятнее, как видеть себя с родными своими первый раз, в доме матери» (Сулимовский архив, 1884: 285). В письме упоминались дом матери Прасковьи Сулимы и могила ее бабушки, отец же поневоле превратился в «фигуру умолчания».

Описанные случаи отстаивания девушками в суде своего права на реализацию нормативного жизненного сценария демонстрируют, что провинциальная незамужняя российская дворянка с невыделенным имением не была такой уж маргинальной. В случае конфликта поведенческих предписаний она могла успешно лавировать между семейной дисциплиной и общественным этикетом, заручаться судебной поддержкой сообщества против деспотического родителя и гарантировать свои имущественные права.

²⁹Уездный город Переяслав Полтавской губернии.

³⁰Из-за бездетности Павла (1779–1812) и Акима Акимовичей Сулим (1780–1840) Войцеховичи и Маркевичи разделили в последующем наследство А. С. Сулимы, и к И. А. Войцеховичу отошли все его полтавские имения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1.

[СВИДЕТЕЛЬСТВО, ВЫДАННОЕ ЗЕМСКИМ СУДОМ
ЧЕРНИГОВСКОГО ПОВЕТА ДЕВИЦЕ П. А. СУЛИМЕ,
В ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВА ВЫЙТИ ЗАМУЖ, 24 МАЯ 1800 Г.]³¹

По указу Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго, из суда земскаго повета Черниговскаго Его Превосходительства Господина Тайнаго Советника и Кавалера Акима Семеновича Сулимы дочери девице Прасковье Акимовне Сулиминой

Свидетельство

Настоящаго мая 23 дня Госпожа Коллежская Советница Катерина Лобисевичева поданным в сей суд земский прошением, прилагая письмо оной девицы Сулиминой к ней госпоже Лобисевичевой от того ж 23 числа мая списанное, коим она изъясняя, что проходит уже третий год, как Господин Статский Советник Иван Андреевич Войцехович ищет ея Сулимину в супружество, и ей позволительно было надеяться, что отец ея не будет противитися оному; ибо искание Ивана Андреевича одобряемо было всем здешним обществом; а почетнейшие чиновники, яко-то: Тайный Советник Яков Леонтьевич Бакуринский, Малороссийский / Губернатор Михаил Павлович Миклашевский, и Статский Советник Коропчевский многократно представляли отцу ея, что Господин Войцехович по всем отношениям есть партия для ея Сулиминой сходная и равная, и потому просили о принятии его в их семейство; но на прозбы, советы, и убеждения вышеписанных Господ отец ея давал всегда ответы в неопределенных выражениях состоявшие, которые ни отказа ни согласия в себе не заключали, не имело лучшаго успеха и милостивое предстательство Преосвященнейшаго Виктора Архиепископа Черниговскаго и Нежинскаго, который вместе с Архимандритом Елецкаго Монастыря нынешняго Епископа Феофана в присудствии Казначеев Губернскаго Навроцкаго, и поветоваго Павловскаго умоляли отца ея дать ей изволения на помянутый брак, но равномерно получили таковой же неопределительный ответ; и так по долгом тщательном и зрелом разсуждении и соображении всех домашних обстоятельств, непредвидя далее ничего для себя полезнаго и прочнаго решилась она Сулимина

³¹ Публикуется по: IP НБУВ. п. 5. 15244–15333. Арк. 241–242зв..

наконец прибегнуть к покровительству законов, и просить / себе позволения от уряду на выход в замужество за Господина Войцеховича, имея на то право в разсуждении ея совершеннолетия, поелику ей Сулимовой уже двадцать третий год отрода; Но как де ей Сулимовой самой живущей под непосредственную властию отца ея, никак невозможно сделать в суде отзыва, то к просительнице Лобисевичевой в сем случаи прибегая просит, подать за ея от имени своего в суд земский повета Черниговскаго прошение, дабы выдан ей Сулимовой позволительный вид на таковое супружество, и оной ей доставить; и изъясняя она просительница Лобисевичева в оном прошении, что она ведаая и сама, что Господин Сулима подлинно не желает ея Сулиминой выдать, и удостоверяя толико справедливому ея требованию, просит суда на основании права Книги Статут раздела 5. артикула 9го дать ей Сулиминой таково на выход в супружество за Войцеховича позволение, и оное для доставления Сулиминой, поручить Лобисевичевой. **Приказали:** Статутоваго права высочайше Малой России подтвержденнаго раздела 6. по артикулу 1^{му}, совершенные лета положены мужчине 18, а девице 13 лет; по Высочайшему Указу 1785 Года декабря 22го д. состоявшемуся, в таковых летах, каковы Госпожа Сулимина себя показывает 23 / не только считается особа та совершеннолетнею, но в 20 с годом и имением уже всяким располагать властна; по 8^{му} артикулу 4 раздела на случай бы девицы без воли родителей замуж пошли, поступать по 9^{му} артикулу того ж раздела, а в оном 9м артикуле в §2^м узаконено «Если бы девица имела лета свои, а братья или дяди удерживая ея не хотели бы ея замуж выдать, тогда однак своевольно ни за кого итти не имеет, но должна дать знать до уряду чрез родственников или чрез сосед или чрез кого нибудь, а уряд взявши о том певную ведомость, что они близкие, в которых опека есть, замуж ея выдать не хотят, должен ей позволить замуж итти, но за шляхтича, а не за простаго стану человека». По силе коих прав, и согласно оным зделаннаго отзыва, по доволному свидению самага сего уряда о чине, о поместье в сем повете, и о достоинствах Господина Статскаго Советника Войцеховича ничем неупослеждающих состояния девицы Сулиминой, но как сама она изъясняет, желанию ея соответствующих, и по уверению пред урядниками сего суда особ в письме Госпожи Сулиминой изъясненных, и самой просительки Госпожи Коллежской Советницы Лобисевичевой, что отец ея не желает выдать ея в замужество, Суд сей почитая то за певную ведомость, находит справедливостию дать ей Госпоже Сулиминой на выход в замуже за помянутого Господина Войцеховича позволение; для чего выдать

просительке Госпоже Коллежской Советнице Лобисевичевой; которое за подписью и печаткою уряда и поручается 1800 Года Маия 24 дня.

Судья Земский Иосиф Дебогория Мокриевич
Подсудок земский Григорий Пригара
За Писаря возный земский Григорий Скибановский

№ 2.

[ЗАПИСКА НЕИЗВЕСТНОГО К А. С. СУЛИМЕ, НЕДАТИРОВАННАЯ]³²

Михайло Павлович давал мне комиссию. Я видя что в ней никакого мастерства нет, а одна простота святая, принял пересказать оную. И вот она.

Вместо бриллиантов на 8 тысяч пятьсот рублей; дать
деньгами 8500 р.
Обещаемых деньгами 12000 р.
Итого 20500 р.

1. На сии деньги, буди милость отцова купить дочери деревню, когда, и где пожелает в 20500 р.
2. Дочь даст уступку на известное.
3. От мужа ея ни чего не требовать который и сам ни чего не требует себе и жене своей кроме прощения и благоволения, и сего прежде всего.
4. Последнее желание и прозьба М. Павловича, не можно ли чтоб сие при нем, на возвратном Его приезде из Церковица в Чернигов кончилось сказанием вашего благоволения.

№ 3.

[ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО К И. А. ВОЙЦЕХОВИЧУ (?)
С ВЛОЖЕНИЕМ КОПИИ ПИСЬМА К А. С. СУЛИМЕ (?),
БЕЗ НАЧАЛА, НЕДАТИРОВАННОЕ]³³

Копия

И так в[аше]. П[ревосходительство], по случаю прозьбы моей об отпуске ко мне на работу человека вашего Василия, дали мне знать, что негодование ваше на дом замужней дочери вашей так велико, что вы с оным никакой связи иметь не желаете, и боитесь чтоб оный Василий туда не зашел. Сие не ожиданное объявление ваше как ударом меня поразило;

³²Публикуется по: IP НБУВ. п. 5. 15051–15242. Арк. 55.

³³Публикуется по: IP НБУВ. п. 5. 15244–15333. Арк. 258–260.

ибо я с дня на день ожидал, и право от вас данное имел ожидать, хотя то уже и поздно, оставления вашего гнева, и на место онаго возвращения к ней дочери вашей отческой милости. Правда в[аше]. П[ревосходительство] вы как отец, во гнѣве и милости вольны; но дозвольте доложить что когда вам угодно было в свое семейное дело употребить сторонняго человека, то уже вы не свою волю, но справедливость в разсуждении сего сторонняго наблѣсть обязаны; и когда справедливость такова что оною мы в данном слове и не приятелям должны, то не изъять благодетель в разсуждении одолженнаго, каковым я быть честь имею. Ибо милости ваши мне не могли быть оказываемы в таком намерении чтоб возыметь вам право зделать меня орудием несправедливости, чтобы я кого уговаривал, обращая, уверяя, клялся в таком чем нибудь чему никогда не бывать, чтоб под видом / благоволения кривалось: я никакой связи иметь не буду. Что сие последовало между отцем и детьми, тому не я судьбою, но что те клятвы мои были ни детские, ни подступныя, ни лживыя, в том я пред публикою оправдаться должен, пред которою я досели молчу, и удаляюсь от оной, и от всяких изъяснений.

Публика не отсуживает ни рук ни ног, правда; но отсуживает добрыя качества, когда дело о нравственности; и где она видит уловку, там проворству разума дивятся, но от сердца такого, вся и на век отвращается. Оправдание мое пред нею будет не что другое как с дозволения вашего рассказ точности как все происходило, или сие чтение, чего для меня и довольно. И когда сего для меня довольно, подумайте ваше П[ревосходительство]. Не будет ли для другаго кого ущербу. И вот как происходило, и буде что не так уличите меня прежде.

При отъезде моем на каникулы изволили мне сказать чтоб Я не отъехал не доставив вам с уряда раскаяния дочери вашей, и судовой выписи. Знать оное раскаяние весьма вам нужно было, что отъезд мой остановили. Оное раскаяние только списано моею рукою, а сочинено вашею. Я при взятии на себя комиссии вам той весьма желанной, / доложил в[ашему]. П[ревосходительству]. что берусь доставить вам удобное; хотя б тут на горло написано было, уговорю подписать, естли простите дочь вашу и моего доброхота. Первой раз сказали повижу как подпишут; и когда сие слово меня в сомнении оставляло, а я хотел вернаго сказал, конечно подпишут, да простите ли и примите ль в свою милость и благоволение: то в[аше]. П[ревосходительство]. отвечали своим ртом, без сомнения. На сем я условия от вас пошел, уговорил, списали, пошли, на уряд подали, и вам выпись доставлена. Где ж то прощение, буде раскаяние для прощения требовано, а не другаго чего?

Извините в[аше]. П[ревосходительство]. где бывают условия, там могут быть и требования; и сего вопроса не почтите за дерзновение но за право сказать и повторить, где то прощение, надежда слабостей человеческих, а паче детских. Я об оном с пути писал но в[аше]. П[ревосходительство]. ни письмом ни словом ни делом за благо разсудили не отвечать как бы рабу, а дело идет о моей чести не пред одними детьми вашими, но пред всею публикою, которая вся за ними интересуется. Разве никакого условия не было, ничего не говорено, ни делано? Сказать не делано, а играно, я не могу и подумать. И как я между отцем и детьми игры подозревать ни когда не мог, а полагал чистосердечие, щитая оному тут, между ими собственное природою определенное священное оному место: то думаю что всяк в сем деле веру мою к вам простодушием и легкомыслием укорять пожалеет. Пойду с дозволения вашего П[ревосходительства]. к доброхоту моему и к дочери вашей, с коими в два месяца не вижусь, с упокоренною честностию сказать, что я одну душу имел а не две, одною говорил, одною верил. Буду пред ними и пред публикою а хотя б и пред Судом в лживом моем поступке оправдываться теми самыми словами и уверениями которья здесь написал которые от отца и благодетеля слышал. Протчее пред Богом сердцевищем. /

Вот мое оправдание на то что я с вами два месяца не виделся. Какое то будет ваше что вы меня два месяца не видите, что меня описывали? Несвиданья моего намерение мое было чтоб батюшке вашему сказать что он меня лишил онаго, зделав мои уверения лживыми;

А ваше какое? Будь доброю, желаю. Поищите пожалуйста хотя благовиднаго, и изготовте; скоро приду онаго послушать.

Посылаемое при сем отправлено вчера.

№ 4.

[ВЫПИСКА ИЗ РЕШЕНИЯ ПЕРЕЯСЛАВСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСКОГО СУДА,
ВЫДАННАЯ П. А. ВОЙЦЕХОВИЧ И М. А. МАРКЕВИЧ,
В ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ЧАСТЬ
ОТЦОВСКОГО ИМУЩЕСТВА, 5 ОКТЯБРЯ 1810 Г.]³⁴

По указу Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго из Переясловскаго Поветового Земскаго Суда, Действительнаго Статскаго Советника Ивана Войцеховича жене Парасковии Якимовне Войцеховичевой, и Штабс капитана Михайла Маркевича жене Мариин Якимовне Маркевичевой.

³⁴Публикуется по: IP НБУВ. п. 5. 15244–15333. Арк. 247–247зв..

Выпись.

Означенные Войцеховичева и Маркевичева поданным в сей суд прошением изъяснили, что они именованные рожденныя от Тайнаго Советника Якимя Семеновича Сулимы и Марии Ивановны урожденной Искоруп, с времени выходу их в замужество не имеют никакого участия в недвижимых и движимых имениях от доходов из оных полученных по правам Малороссийским им принадлежащих в сем случае в охранение своем том права их на прошедшее и будущее время дабы паче всякаго чаяния молчание их чрез десять лет не было обращенно во вред их, они по сей крайности и руководствуясь на защищение каждого собственности правилам установленным Книги Статут раздела 4го в артикуле 91^м вынуждаются просить о исполнении того в Малороссийских правах установленного обряда; вследствие того и просили с прописанием оного изготовить родителю их тайному советнику и ордену Святыя Анны первой степени и Святаго равноапостолнаго Владимира второй степени / Кавалеру Якиму Семеновичу Сулиме по изъясненному праву Книги Статут упоминательный лист, оный надлежащим порядком вручить ему и их снабдить из онаго и донесения суду каковое от вознаго в последствии того упоминательного листа поручения доставлено будет судовою выписью; в сходство котораго их Войцеховичевой и Маркевичевой прошения и учиненнаго в сем Суде прошлаго Апреля 28го числа определения выпущен из сего суда упоминательной лист сего 1810го Года Мая 17го Господину Действительному Статскому Советнику и Кавалеру Якиму Сулиме; которой чрез вознаго сего суда Созоновича по отлучке Господина Тайнаго Советника и Кавалера Якимя Семеновича Сулимы положен сего 1810го Года Июня двадцать шестого числа в селе Сулимовке, о чем и сия выпись просителькам Госпожам Действительной Статской Советнице Парасковии Войцеховичевой, и Штаб капитанше Маркевичевой, из Переясловскаго Земскаго Поветоваго суда за подписом присутствующих и с приложением казенной печати данна, 1810го Года Октября 5. Дня.

Земской Судия Павел Соломка
Земской Подсудок Ефим Сорокин
Земский Подсудок Андрей Лисенко

Указные казенны пошлины

Земский писарь Федор Григорович
Поветчик Коллежский Секретарь Боярин

СОКРАЩЕНИЯ

- IP НБУВ. п. 5. 15244–15333 Інститут рукописів Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Ф. п. Оп. 5. Спр. 15244–15333.
- IP НБУВ. п. 5. 15051–15242 Інститут рукописів Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Ф. п. Оп. 5. Спр. 15051–15242.

Источники

- Как сватались сто лет назад : письмо Петра Степановича Милорадовича к Евдокии Михайловне Безбородко // Киевская старина. — 1898. — Т. LXI, № 6. — С. 92.
- Любецкий архив графа Милорадовича. Вып. 1 / предисл. А. Лазаревского. — Киев, 1898.
- Письма генерал-губернатора князя А. Б. Куракина из Малороссии / пер. с фр. А. А. Нествитской // Труды Полтавской ученой архивной комиссии / под ред. И. Ф. Павловского. — 1909. — Вып. 6/1. — С. 41–75.
- Сулимовский архив : фамильные бумаги Сулим, Скороп и Войцеховичей XVII–XVIII вв. / предисл. А. Лазаревского. — Киев : К. Н. Милевский, 1884.
- Устав благочиния, или полицейский. 08.04.1782 // Полное собрание законов Российской империи. В 55 т. Т. XXI. Собрание второе. — СПб. : II Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 461–468.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамс Л.* Формирование европейской женщины новой эпохи, 1789–1918 / пер. с англ. Е. Незлобиной. — М. : Высшая школа экономики, 2011.
- Арьес Ф.* К истории частной жизни // История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016. — С. 6–26.
- Белова А. В.* «Четыре возраста женщины» : повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. — СПб. : Алетейя, 2010.
- Бербэнк Д.* Местные суды, имперское право и гражданство в России / пер. с англ. А. Трибунского // Российская империя в сравнительной перспективе : сборник статей / под ред. Е. И. Миллер. — М. : Новое издательство, 2004. — С. 320–358.
- В. А.* Сулимовский архив : фамильные бумаги Сулим, Скороп и Войцеховичей. Изд. А. Лазаревский // Киевская старина. — Киев, 1884. — Т. X, № 10. — С. 332–336.
- Глаголева О. Е.* Горькие плоды Просвещения : три женских портрета XVIII века // Социальная история : Ежегодник. Женская и гендерная история / под ред. Н. Л. Пушкаревой. — М. : РОССПЭН, 1997. — С. 300–323.

- История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016.
- Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей : исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. — М. : РГГУ, 2007.
- Кастан Н.* Публичное и частное // История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016. — С. 452–496.
- Маррезе М. Л.* Бабье царство : дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) / пер. с англ. Н. Лужецкой. — М. : Новое литературное обозрение, 2009.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII в. – начало XX в.) : генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.
- Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. В 4 т. Т. 3. — Киев : С. В. Кульженко, 1912.
- Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. В 4 т. Т. 4. — Киев : С. В. Кульженко, 1914.
- Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины : невеста, жена, любовница (X–начало XIX в.) — М. : Ладомир, 1997.
- Репина Л. П.* Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи : Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю. Л. Бессмертного. — М. : РГГУ, 1996. — С. 20–34.
- Репина Л. П.* История брака и семьи в гендерной перспективе // Диалог со временем. — 2008. — Т. 23. — С. 5–23.
- Уортман Р.* Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / пер. с англ. М. Л. Долбилова, Ф. Л. Севастьянова. — М. : Новое литературное обозрение, 2004.
- Шартье Р.* Вступление // История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016а. — С. 446–451.
- Шартье Р.* Заключение // История частной жизни. В 5 т. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби ; пер. с фр. М. С. Неклюдовой, О. П. Панайотти. — М. : Новое литературное обозрение, 2016б. — С. 662–665.
- Маслійчук В. Л.* Девіантна поведінка жіноцтва у 80–90-х рр. XVIII ст. (за матеріалами повітових судів Харківського намісництва) // Провінція на перехресті культур : дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст. — Харків : Харківський приватний музей міської садиби, 2007. — С. 304–338.

Gal', B. A. 2019. "Ispravnik u posteli [The Police Captain at the Bedside]: zamuzhestvo cherez sud v srede malorossiyskogo chinovnichestva kontsa XVIII veka [Marriage Through Court Among the Little Russian Officials of the Late 18th Century]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 49–78.

BOGDAN GAL'

PHD IN HISTORY; ASSOCIATE PROFESSOR AT THE DEPARTMENT OF HISTORY AND POLITICAL THEORY,
NATIONAL TECHNICAL UNIVERSITY "DNIPRO POLITECHNIC", DNIPRO, UKRAINE

THE POLICE CAPTAIN AT THE BEDSIDE

MARRIAGE THROUGH COURT AMONG THE LITTLE RUSSIAN OFFICIALS OF THE LATE 18TH CENTURY

Abstract: In the Russian province of the end of the 18th century, the noble community imposed on the individual norms of behaviour and tolerances through the family. The relationship between community rights and family rights, individual freedom and family discipline was particularly acute in the matters of marriage of daughters. On the one hand, a father has the right to refuse to bless, suggesting that he is looking for a more suitable groom for his daughter. On the other hand, the community recognised the daughter's right to express her own preferences, not undermining a father's authority. A public conflict was fraught if family disciplinary practices were clearly in conflict with marriage strategies, transforming from socially approved to deviating ones. As a rule, the reasons for such deviating behaviour were weak or not uttered by the parties at all. In order to make family conflict public, it was necessary to present the accepted deviating behaviour of the other party as unaccepted (a refusal to bless as evading the marriage of a daughter and, conversely, striving for marriage as a violation of the father's sacred will). In such cases community mediation was expressed in the form of both coercive (police intervention, trial) and voluntary ("commission" of high-ranking patrons). During the trials, the father tried to restore his parental authority (in case of failure, depriving the daughter of the maternal inheritance), and the daughter — tried to obtain judicial permission for marriage (in case of success — a share of the maternal / paternal inheritance). The way out of the family conflict situation was the mutual abandonment of lawsuits, approved by the patrons, and the provision of a part of the maternal inheritance to the daughter. However, this did not always entail the father's blessing of the daughter and son-in-law, their recognition as his children and the restoration of family unity.

Keywords: Noblewoman, Family, Conflict, Trial, Marriage, Patronage, Inheritance.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-49-78.

REFERENCES

- Abrams, L. 2011. *Formirovaniye yevropeyskoy zhenshchiny novoy epokhi, 1789–1918 [The Making of Modern Woman: Europe 1789–1918]* [in Russian]. Trans. from the English by Ye. Nezhobina. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola ekonomiki.
- Ar'yes, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P. and G. Duby], eds. 2016. *Ot Rennessansa do epokhi Prosveshcheniya [De la Renaissance aux Lumières]* [in Russian]. Vol. 3 of *Istoriya chastnoy zhizni [Histoire de la vie privée]*, trans. from the French by M. S. Neklyudova and O. P. Panayotti. 5 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.

- Ar'yes, F. 2016. "K istorii chastnoy zhizni [To the History of Privacy]" [in Russian]. In Ar'yes, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P., and G. Duby], eds. 2016, 6–26.
- Belova, A. V. 2010. "Chetyre vozrasta zhenshchiny" ["The Four Ages of Woman"]: *povsednevnyaya zhizn' russkoy provintsial'noy dvoryanki XVIII – seređiny XIX vv. [Daily Life of a Russian Provincial Noblewoman of 18th–mid-19th cc.]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Berb-enk, D. 2004. "Mestnyye sudy, imperskoye pravo i grazhdanstvo v Rossii [Local Courts, Imperial Law and Citizenship in Russia]" [in Russian]. In *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive [Russian Empire in Comparative Perspective] : sbornik statey [Collection of Essays]*, ed. by Ye. I. Miller, trans. from the English by A. Tribunskiy, 320–358. Moskva [Moscow]: Novoye izdatel'stvo.
- Glagoleva, O. Ye. "Gor'kiye plody Prosveshcheniya [The Bitter Fruits of the Enlightenment]: tri zhenskikh portreta XVIII veka" [in Russian]. In *Zhenskaya i gendernaya istoriya [Women's and Gender History]*, in *Sotsial'naya istoriya [Social History] : sbornik statey [Annual]*, ed. by N. L. Pushkareva, 300–323. Moskva [Moscow]: ROSSP-EN.
- "Kak svatalis' sto let nazad [How to Agree About Marriage a Hundred Years Ago]: pis'mo Petra Stepanovicha Miloradovicha k Yevdokii Mikhaylovne Bezborodko [Letter of Peter Stepanovich Miloradovich to Evdokie Belaybodko Mikhailovna]." 1898 [in Russian]. *Kiyevskaya starina LXI* (6): 92.
- Kamenskiy, A. B. 2007. *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvateley [Daily Life of Russian Urban Inhabitants]: istoricheskiye anekdoty iz provintsial'noy zhizni XVIII veka [Historical Jokes from the Provincial Life of the 18th Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: RGGU.
- Kastan, N. 2016. "Publichnoye i chastnoye [Public and Private]" [in Russian]. In Ar'yes, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P., and G. Duby], eds. 2016, 452–496.
- Lyubetskiy arkhiv grafa Miloradovicha [Lyubetsky Archive of Count Miloradovich]* [in Russian]. 1898. With a forew. by A. Lazarevskogo. Vyp. 1. Kiyev [Kiev].
- Marreze, M. L. 2009. *Bab'ye tsarstvo [A Woman's Kingdom]: dvoryanki i vladeniye imushchestvom v Rossii (1700–1861) [Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Luzhetskaya. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Masliychuk, V. L. 2007. "Deviantna povedinka zhinotstva u 80–90-kh rr. XVIII st. (za materialami povitovikh sudiv Kharkivs'kogo namisnitstva) [Deviant Behavior of Women in the 80's and 90's of the 18th Century (on the Materials of the District Courts of the Kharkiv Governorship)]" [in Ukrainian]. In *Provintsiiya na perekhresti kul'tur [Province at the Crossroad of Cultures] : doslidzhennya z istorii Slobids'koï Ukraïni XVII–XIX st.* 304–338. Kharkiv: Kharkivs'kiy privatniy muzey mis'koï sadibi.
- Mironov, B. N. 2000. [in Russian]. Vol. 1 of *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII v. – nachalo KHKH v.) [The Social History of Russia in the Period of the Empire (XVIII Century – Beginning of the XX Century)] : genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [The Genesis of Individual, Democratic Family, Civil Society and Rule of Law]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Dmitriy Bulanin.
- Modzalevskiy, V. L. 1912. [in Russian]. Vol. 3 of *Malorossiyskiy rodoslovník [Little Russian Genealogy]*. 4 vols. Kiyev [Kiev]: S. V. Kul'zhenko.
- . 1914. [in Russian]. Vol. 4 of *Malorossiyskiy rodoslovník [Little Russian Genealogy]*. 4 vols. Kiyev [Kiev]: S. V. Kul'zhenko.
- Pavlovskiy, I. V., ed. 1909. "Pis'ma general-gubernatora knyazya A. B. Kurakina iz Malorossii [Letters of Governor-General Prince A. B. Kurakin from Little Russia]" [in Russian], trans.

- from the French by A. A. Nesvit'skaya. *Trudy Poltavskoy uchenoy arkhivnoy komissii* (6/1): 41–75.
- Pushkareva, H. L. 1997. *Chastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny* [Private Life of Russian Woman]: *nevesta, zhená, lyubovnitsa (X–nachalo XIX v.)* [Bride, Wife, Mistress (10th – Early 19th Century)] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Ladomir.
- Repina, L. P. 1996. “Vydeleniye sfery chastnoy zhizni kak istoriograficheskaya i metodologicheskaya problema [Selection of the Sphere of Private Life as a Historiographical and Methodological Problem]” [in Russian]. In *Chelovek v krugu sem'i* [Man within His Family Circle]: *Ocherki po istorii chastnoy zhizni v Yevrope do nachala novogo vremeni*, ed. by Yu. L. Bessmertnyy, 20–34. Moskva [Moscow]: RGGU.
- . 2008. “Istoriya braka i sem'i v gendernoy perspektive [History of Marriage and Family in a Gender Perspective]” [in Russian]. *Dialog so vremenem* 23:5–23.
- Shart'ye, R. 2016a. “Vstupleniye [Introduction]” [in Russian]. In Ar'yes, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P., and G. Duby], eds. 2016, 446–451.
- . 2016b. “Zaklyucheniye [Conclusion]” [in Russian]. In Ar'yes, F. and Zh. Dyubi [Ariès, P., and G. Duby], eds. 2016, 662–665.
- Sulimovskiy arkhiv* [Sulimovsky Archive]: *famil'nyye bumagi Sulim, Skorup i Voytsekhovichy XVII–XVIII vv.* [Papers of the Sulima, Skorupa and Wojciechowicz Families of 18th–19th cc.] [in Russian]. 1884. With a forew. by A. Lazarevskiy. Kiyev [Kiev]: K. N. Milevskiy.
- Uortman, R. [Wortman, R.] 2004. *Vlastiteli i sudii: razvitiye pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [The Development of a Russian Legal Consciousness] [in Russian]. Trans. from the English by M. L. Dolbilov and F. L. Sevast'yanov. Moskva [Moscow]: No-voye literaturnoye obozreniye.
- “Ustav blagochiniya, ili politseyskiy. 08.04.1782 [Charter of Decency, or of Police Officer. 08.04.1782]” [in Russian]. 1830. In *Sobraniye vtoroye* [Digest no. 2], vol. XXI of *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [The Digest of Laws of the Russian Empire], 461–468. 55 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: II Otdeleniye Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii.
- V. A. 1884. “Sulimovskiy arkhiv [Sulimovsky Archive]: famil'nyye bumagi Sulim, Skorup i Voytsekhovichy. Izd. A. Lazarevskiy [Papers of the Sulima, Skorupa and Wojciechowicz Families. Publ. by A. Lazarevskiy]” [in Russian]. *Kiyevskaya starina* (Kiyev [Kiev]) Kh (10): 332–336.
- Institut rukopisiv Natsional'noi biblioteki Ukraïni im. V. I. Vernads'kogo. F. II. Op. 5. Spr. 15051–15242* [Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine Named After V. I. Vernadsky. II. 5. 15051–15242] [in Ukrainian].
- Institut rukopisiv Natsional'noi biblioteki Ukraïni im. V. I. Vernads'kogo. F. II. Op. 5. Spr. 15244–15333* [Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine Named After V. I. Vernadsky. II. 5. 15244–15333] [in Ukrainian].